

А. Н. Алексеева

АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ-ПОДЛИННИКОВ ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ФОНДОВ МЕГИНО-КАНГАЛАССКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

*Работа представлена кафедрой истории России
Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Н. Н. Кочмар*

В статье рассматриваются наиболее интересные с точки зрения исторической науки предметы-подлинники палеоэтнографических фондов Мегино-Кангаласского краеведческого музея. В этих предметах-подлинниках отражаются мифологические представления, быт и культура носителей средневековой культуры Центральной Якутии.

The author of the article considers the original items from the paleoethnographic funds of the Megino-Kangalassky museum of local studies that are the most interesting from the historical point of view. These original items reflect mythological ideas, way of life and culture of the bearers of the medieval culture of Central Yakutia.

За годы работы Мегино-Кангаласского краеведческого музея в его фондах накопи-

лось много интересных и уникальных палеоэтнографических материалов. К сожа-

нию, в советское время по причине идеологизации музеев палеоэтнографические фонды музея практически не были подвергнуты должному научному изучению, так как подобные задачи не стояли перед музеем на тот период. Это привело к упрощенному учету поступающего материала и в основном хранительской его деятельности. Например, именно по этой причине исследователи не могли попасть в запасники музея для ознакомления и частичного изучения имеющегося фонда. Они не могли проанализировать, провести типологическую привязку материалов и, как следствие, ввести в научный оборот новые поступления фондов музея. Одним словом, весь фондовый материал, связанный с палеоэтнографией, был как бы вещью в себе и ждал своего исследователя. Кроме того, многие музейные материалы не были представлены в музейной экспозиции, что не способствовало популяризации исторического прошлого народов Средней Лены.

Первые попытки палеоэтнографических исследований сотрудниками Мегино-Кангаласского краеведческого музея были приняты в перестроечную эпоху. Впервые удалось организовать поисково-собираТЕЛЬСкую экспедицию, целью которой было выявление памятников Средневековья в окрестностях административного центра Мегино-Кангаласского улуса РС (Я) с. Майя. Экспедиция работала под руководством научных сотрудников музея Н. П. Прокопьева и Э. К. Жиркова и за очень короткий период времени им удалось собрать обширный палеоэтнографический материал и провести типологический анализ с ранее существовавшим, но практически не изученным материалом фондов музея. Результаты этих исследований определили хорошую научную перспективу, и было принято решение продолжить подобные исследования. Однако современные рыночные отношения и развал музейной системы в республике в 1990-х гг. не позволили продолжить исследования в этом направлении. Экспе-

диция была расформирована, и до сегодняшнего дня палеоэтнографические изыскания на территории улуса практически не ведутся.

Так, памятник Сэндиэлэ, исследованный в 1993 и 1996 гг., был определен как один из интереснейших памятников позднего Средневековья Якутии. В фондах музея, а также в экспозиционно-выставочной деятельности музея материалы-подлинники этого памятника занимают особое место в исторической реконструкции средневекового прошлого края. Как и во всех поселениях Центральной Якутии, жилища Сэндиэлэ были окружены ямами, из которых обитатели поселений брали грунт для засыпки потолочного перекрытия и утепления стен. Некоторые из этих ям приспособлялись для хранения продуктов в летний период, остальные по мере выработки заполнялись бытовыми отходами. На дне некоторых ям найдены черепа лошадей. В данном случае фиксирование черепов лошадей на дне ям предполагает совершение некоего обряда, связанного с освящением нового жилища, упростившегося в последующей трансформации в распространенное поверье, что череп лошади служит оберегом от злых духов вообще и жилища в частности¹.

Кроме черепов в одной из ям обнаружен берестяной сосуд типа «тымтай», в котором находился полный скелет собаки, отнесенный к архаичному виду ритуального захоронения. Исходя из археологических материалов, мы можем говорить о том, что в кулун-атахский период собака не исполняла той отрицательной роли, которую привнесли позднее племена, религиозно-культурные представления которых восходят к древнеиранским, зороастрийским корням. Более того, в одном из образцов устного народного творчества собака фигурирует при акте сотворения человека. Возможно, что образ собаки как культового животного в изучаемое время был связан с тотемическими представлениями местных племен, но, как было отмечено выше, с но-

выми волнами переселенцев южного (степного) происхождения культ собаки постепенно видоизменился. Схожие с сэндиэлинскими ритуальные захоронения собаки зафиксированы в материалах раскопок Музея археологии и этнографии ЯГУ, в том числе среди материалов, освещающих хронологически более поздний традиционный культ кузнеца².

Основу керамического инвентаря составляют многочисленные фрагменты сосудов, среди которых нами зафиксированы венчики, принадлежащие по крайней мере 37 различным сосудам.

По составу теста, методу формовки и декорирования они в основном тяготеют к известным типам сосудов культуры «малых домов», «кыргыс етехов» и кулун-атахского керамического комплекса³. Однако при присутствии сосудов традиционной для Средневековья Центральной Якутии баночной и бочонковидной формы основным характерным типом сосудов сэндиэлинского керамического комплекса являются сосуды закрытого типа с выраженным налепом-утолщением с внутренней стороны венчика и имеющие округлое дно. Наряду с этим реже встречается большой, открытый неглубокий сосуд с прямым венчиком. Возможно, что этот сосуд является прообразом позднейших деревянных сосудов «кытах», хотя здесь же можно предположить одновременное существование обеих упомянутых видов кухонной утвари коллективного использования.

В результате сопоставления и классификации керамического комплекса выделены особенности, присущие поселению Сэндиэлэ:

1) налеп (утолщение) на внутренней стороне венчика под бортиком, создающий своеобразный нависающий карниз;

2) ранее не встречавшиеся виды декорирования⁴.

К керамическому инвентарю относятся и фрагменты четырех сопел кузнечных мехов, свидетельствующих об устоявшихся железоделательных традициях. О развито-

сти местной выделки сыродутного железа также свидетельствуют остатки горна-плавильни. Значимость кузнечного дела подтверждают многочисленные находки железных изделий.

Из костяного инвентаря наибольший интерес вызывают два изделия. Первое – это костяная поделка в виде крюка, один конец которого имеет сквозное отверстие, а второй заканчивается резным изображением лошадиной головы. Надо отметить, что аналогичные крюки с резным изображением различных животных, в том числе наиболее часто голов лошадей, использовались до недавнего времени в среде саяно-алтайских тюркских народов в качестве крюка для подвешивания детской люльки⁵.

Подобная этому изделию, костяная пластинка-подвеска была найдена на стоянке раннего железного века Улахан Сегеленнях. Пластинка представляет собой профильное изображение двух конских головок, развернутых в противоположные стороны⁶. Эта находка имеет четкие аналогии в материалах таштыкской эпохи Хакасско-Минусинской котловины, датирουμεой в пределах I в. до н. э. Хотелось бы подчеркнуть особенность, касающуюся нехозяйственных ям, разбросанных по внешнему периметру построек, – в их заполнении найдено большое количество лошадиных черепов хорошей сохранности. При этом на одну яму приходится по одному черепу (по 1–2 шт. на жилище, как правило, западное, т. е. основное). Нами отмечено, что черепа лошадей расположены на дне ямы в независимой ориентации по сторонам света и что в ямах со стороны входов, ориентация которых также произвольна, подобные уложения не фиксируются.

Мы склонны интерпретировать факт уложения конских черепов вокруг жилищ как существенный мировоззренческий момент в религиозных представлениях хозяев сэндиэлинских поселений, так же как и уложение черепа коня под очаг, фиксируемый в материалах кулун-атахской культуры⁷. Не

вызывает сомнения присутствие здесь отголосков центрально-азиатских ритуальных обрядов, связанных, в свою очередь, с индоевропейским культом коня как существа божественного происхождения, от которого во многом зависит быт коневодов. А. И. Гоголев в этой связи отмечает, что конь у индоевропейцев выступает как зооморфный образ всего космоса⁸. Эти представления в последующем оказали существенное влияние на зарождающуюся основу будущей якутской общности через привносимое в изучаемое время влияние культуры степных номадов.

Культ коня в дальнейшем получил более широкое распространение, о чем свидетельствует и якутская мифология. Так, в пантеоне богов особое место отведено Уордах Джесегею, богу – покровителю коневодства, «дарующего ретивых коней и отважных мужчин». По материалам героического эпоса – олонхо, его в древности называли Кюн Джесегей тойон, «Солнце Джесегей тойон». В нем, на взгляд А. И. Гоголева, четко проявляется связь этого патрона коневодства с культом солнца и вместе с тем наличие в якутской мифологии центральноазиатского мифа о солнечном происхождении божественного коня⁹. Близкие, чуть ли не родственные связи человека и коня нашли отражение и в социальной терминологии. Также культ коня отразился и в материальной культуре якутов XVII–XIX вв. Например, это прослеживается в языческих надмогильных сооружениях¹⁰, женских украшениях с мотивом сдвоенных коней. Близкие к ним украшения, датируемые скифским и более поздним временем, найдены во многих местах Южной Сибири и Центральной Азии. По мнению исследователей, они олицетворяют собой культ близнецов Ашвинов («рожденных от коней»). Они символизировали дуалистическую концепцию индоевропейцев о противоположности жизни и смерти, утра и вечера¹¹. Возможно, спаренные протомы коней символизировали космос как объединение би-

нарных начал, что могло составить часть мифологических представлений южных предков якутов.

Еще один не менее интересный памятник позднего Средневековья отличается тем, что в ходе раскопочных работ в хозяйственной яме было выявлено захоронение ребенка в утробном положении. Судя по сохранившимся молочным зубам и размеру костяка, погребенному было 1–2 года. Он был уложен в яму в скорченном положении на левом боку, колени подогнуты к груди, руки согнуты в локтях, ладони расположены вплотную к лицу. Ориентация головы на северо-восток. Под костяком постелено цельное полотно бересты квадратной формы размерами 67х85 см, таких же размеров полотно, прошитое в три слоя (вдоль-поперек-вдоль), укрывало покойника. Оба полотнища хорошей сохранности. Под нижним полотнищем на подстилающем грунте, обнаружен кусочек наплавного шлака светло-зеленого цвета. На самом полотне, на уровне подреберья со стороны позвоночника, зафиксировано два куса глиняной основы горна с наплавлениями шлака и кусочков крицы. Вплотную к затылочно-теменной части черепа погребенного обнаружен фрагмент правой части нижней челюсти жеребенка с четырьмя слабо развитыми коренными зубами. За лопаточной костью и у локтевого сустава зафиксированы два фрагмента керамики. Также в заполнении могилы была найдена ножевидная пластина.

Подобных погребений с труположением «на боку» в Центральной Якутии всего выявлено и исследовано восемь.

Отсутствие декора и упрощенность формы в нашем случае, скорее всего, вызваны возрастными и социальными различиями погребенного. Наличие керамики XIV в. среди сопутствующего инвентаря в погребении и присутствие наслаиваемого на погребение культурного слоя XIV в. фактически ограничивают хронологические рамки существования погребений подобного

типа – с наличием подстилающих и покрывающих берестяных полотнищ – кулун-атахским временем. Рассматривая ориентацию костяка, можно отметить, что здесь прослеживается тенденция зависимости от террасы аласа. Подобная ориентация применялась вплоть до середины XVIII в., т. е. до массовой христианизации и широкого распространения христианских погребальных обрядов в том числе.

Остальные погребения с труположением «на боку», датируемые более поздним временем, следует признать их производными. Эти изменения связаны с этническими процессами, происходившими в Центральной Якутии, пик активности и усложнения которых приходится на период с XIII по XVI в., т. е. период сложения основных черт древнеякутского этноса. Подтверждает это и наблюдаемая резкая смена круглодонных сосудов на плоскодонные, среднестенных на толстостенные, как в поселении Сэндиэлэ¹².

Касаясь труположения, можно отметить, что вряд ли в нашем случае применима версия исследователей о соотношении уложения «на боку» с определенной категорией умерших. К сожалению, малочисленность погребений, относимых к кулун-атахскому времени, не может породить ряд догадок и предположений. Фольклорные источники, упоминая об архаичных способах погребений, включая погребения «на боку», тем не менее не дают сведений о побудительных моментах и корнях происхождения упоминаемых способов погребений.

В итоге отметим:

1. Несмотря на комплексную археолого-этнографическую частичную исследовательность раннего этапа этногенеза якутов, относительность меры изученности остается актуальной. Не отрицая участия в этногенезе якутов автохтонных культур, все-таки основное внимание уделялось южным и юго-западным истокам (Прибайкалье, Южная Сибирь). Между тем степень влияния автохтонных этнических образований на процесс формирования раннеякутской культуры, равно как и время и пути их взаимовлияний, остаются пока невыясненными, необходимы дополнительные комплексные исследования.

2. В нашем случае пришлую и автохтонную массу изучаемого исторического периода можно представить не как цельную, дифференцированную единую, а, скорее, как множественность, поддерживающую более или менее устойчивые межэтнические отношения, обусловленные главным образом единой средой обитания.

Вне сомнения, подобные контакты не могли не привести к постепенному взаимовлиянию мировоззренческих, философских и традиционно-культурных представлений, которые путем достаточно сложных и длительных взаимовлияемых переложений и трансформаций сложились в наиболее приемлемые для условий Лено-Амгинского ландшафта общие формы. А религиозные представления носителей кулун-атахской культуры, слегка видоизменяясь, со временем стали основой для традиционной якутской мифологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Прокопьева А. Н.* Отражение культа коня в средневековом поселении Сэндиэлэ Центральной Якутии: Сборник материалов III Казахстанской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «Восточная Евразия: проблемы культурного наследия». Астана, 2006. С. 75–76.

² *Алексеев А. Н., Кочмар Н. Н., Степанов А. Д.* Отчет по научно-исследовательской работе «Археологическое обследование и охранно-спасательные раскопки на строящейся автодороге Борогонцы – Тюнгиюлю на участке Сырдах – урочище Курбалах за 1992 г.» Архив МАЭ Ф.3. Оп. 1. Ед. хр. 30. 1992. С. 35–37.

³ *Гоголев А. И.* Якуты. Проблема этногенеза и формирования культуры. Якутск, 1993. С. 35; *Константинов И. В.* Железный век Якутии. Якутск, 1978. С. 58.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁴ *Прокопьева А. Н.* Керамический комплекс поселений позднего средневековья Центральной Якутии Сэндиэлэ: Материалы XLIII Международной студенческой конференции. Археология и этнография. Новосибирск, 2005. С. 67–69.

⁵ *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 90.

⁶ *Алексеев А.Н.* Древняя Якутия. Железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996. С. 46.

⁷ *Гоголев А. И.* Якуты. Указ. соч. С. 94.

⁸ *Гоголев А. И.* Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. С. 14.

⁹ *Гоголев А. И.* Историческая этнография якутов. Якутск, 1986. С. 17.

¹⁰ *Бравина Р. И.* Погребальный обряд якутов XVII–XIX вв. Якутск, 1996. С. 24.

¹¹ *Гоголев А. И.* Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. С. 38.

¹² *Прокопьева А. Н.* Керамический комплекс поселений позднего средневековья Центральной Якутии Сэндиэлэ. С. 67–69.